

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1445-1452
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1445

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Feat of Vasily Ryabov and the Formation of Imperial Identity (Based on Materials from the Penza Region)

Olga A. Sukhova ^{a, *}, Ivan N. Inozemtsev ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

During the Russo-Japanese War, the feat of private Vasily Ryabov, a native of the Ivanovka village, Penza district of the same region became the event of unprecedented significance for the Russian province. This article is devoted to identifying and analyzing the practices of spontaneous commemoration and means of memorial policy in relation to honoring the memory of the hero.

The source base of the study was made up of the records of the governor's office and the directorate of public schools, as well as publications of the regional periodical press. The concept of "commemoration" is understood as a set of actions aimed at consolidating in the collective memory and transmitting social experience necessary for solving actual problems of the present and future.

The key parameters of memorialization of the past were reasoned. The functional purpose of commemoration as a method has been established: consolidation and regulation of mass experiences against the background of defeats and the unsuccessful start of the war; formation of imperial, provincial and local identities. The signs of the transition from traditional to modern commemorative forms and manifestations of civil initiative were revealed. The authors consider the ways of information transmitting, historically determined forms of socio-political interaction to coordinate commemorative actions, the relationship between memorial culture and historical politics.

Keywords: The Russo-Japanese War, the feat of Vasily Ryabov, Penza region, spontaneous practices of commemoration, memorial policy, the formation of imperial identity.

1. Введение

Концептом системного порядка в современных исследованиях «memory studies» выступает коммеморация, понимаемая как совокупность действий по закреплению и передаче ценностно-нормативного содержания социального опыта, по инструментализации прошлого для решения актуальных задач настоящего и будущего. К сущностным признакам понятия относят публичность, коллективность, сценарность и репрезентативность (Ярычев, 2022: 13), мемориальность и коммуникативность (Spontaneous Shrines..., 2011).

Типологически выделяются практики организованного (регламентированного властями) и стихийного (спонтанного) характера, другими словами, проявления мемориальной политики и мемориальной культуры, либо по субъекту – инициатору действий: локальные, коллективные и общесоциальные (Ярычев, 2022: 14-15).

Особую актуальность этому направлению научных поисков придает необходимость функционального анализа проблемы. Так, по мнению А. Ассман, исторические (описание прошлого) и «мнемоисторические» вопросы («как мы узнаем об историческом событии и как мы вспоминаем о нем») отвечают за содержание нарративов, формирующих социальную идентичность. Обращение к истории через призму идентичности определяет позитивное содержание мифа как аффективного усвоения

* Corresponding author

E-mail addresses: savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

прошлого (Ассман, 2023: 39). Не менее значимой представляется адаптивная функция, запускающая процессы консолидации общества, идентификации новых вызовов, внутренней и внешней регуляции.

Одним из аспектов проблемы выступает эволюция коммеморативных практик в условиях социокультурной трансформации, скажем, перехода от традиционного общества к обществу модерна, а, следовательно, степень институциональной зрелости культурных конструктов в пределах определенного временного цикла. В этом контексте религиозное воплощение мифа, сакрализация памяти о смерти, запечатленная в возводимых храмах и часовнях, постепенно вытесняется гражданской коммеморацией, сохранявшей элементы традиции лишь отчасти.

В 1904 г. Пензенская губерния оказалась в эпицентре стихийно возникшего движения по мемориализации подвига Василия Рябова, «расстрелянного японцами на разведках в Манчжурии» (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 23), одного из первых героев Русско-японской войны, подвиг которых получил общеимперскую известность. Василий Тимофеевич Рябов, крестьянин с. Лебедевки Пензенского уезда, в июне 1904 г. был мобилизован в 284-й пехотный Чембарский полк, сформированный в г. Пензе из 2-го батальона 216-го пехотного Инсарского полка, и направлен в Манчжурию. В сентябре 1904 г. в составе пешей охотничьей команды он собирал сведения о неприятеле и был схвачен японцами. 17 (30) сентября 1904 г. Рябов был казнен «ружейным выстрелом». На вопрос, не имеет ли он что высказать перед смертью, он ответил: «готов умереть за Царя, за Отечество, за Веру» и достойно принял смерть. Информацию о смерти разведчика русское командование получило 25 сентября, после того как один из казачьих разъездов обнаружил письмо от капитана штаба японской армии с подробным изложением обстоятельств расследования и казни Рябова и выражением сочувствия и восхищения стойкостью и храбростью русского солдата (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 33, 281 об.-282).

Масштаб акций и сохранение высшей степени актуальности происходивших событий в течение длительного периода времени определяет необходимость осмысления феномена Рябова с позиций функционала коммеморативных практик. Прежде всего, обращает на себя внимание глубинный стихийный характер движения за сохранение и сакрализацию памяти о героическом подвиге Василия Рябова, несмотря на последовательную регламентацию процесса со стороны имперских властей и оформление инициативных практик в общегосударственный проект мемориальной политики.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена делопроизводственной документацией местных органов имперской власти, периодической печатью, а также публицистическими нарративами. В Государственном архиве Пензенской области (Пенза, Российская Федерация) документальные свидетельства об увековечивании памяти о герое Русско-японской войны объединены в два тома по ведомственной принадлежности официальных инициаторов коммеморации: создание школы-памятника имени героя (фонд дирекции народных училищ) и переписка по организации чествования подвига и перезахоронения останков В. Рябова в с. Лебедевка (фонд канцелярии Пензенского губернатора). Отдельной брошюрой в типографии Пензенского губернского правления был издан рассказ штабс-капитана 216-го пехотного Инсарского полка В.М. Вателя «Рядовой Василий Рябов», раскрывающий последовательность событий, связанных с подвигом Рябова и перезахоронением его праха на Родине (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 279-293).

Обращение к материалам региональной периодической печати позволяет реконструировать перформативный контент мемориального движения, определить алгоритм построения и специфику ритуализации коммеморативных практик.

Изучение социокультурного функционала и семиотики коммеморации предполагает опору на широкий междисциплинарный дискурс и привлечение методов «memory studies», включая аксиологический, коммуникативный и институциональный подходы. Сосредоточиться на признании надындивидуального характера социальной памяти позволяет отсылка к научному наследию Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Бергера и Т. Лукмана, А. Мегилл, П. Нора (Halbwachs, 1925; Бергер, Лукман, 1995; Нора и др., 1999; Мегилл, 2007). Опорными конструктами выступают практики запоминания, сохранения и воспроизводства памяти о прошлом, а также инструментализация истории, «изобретение традиций» (Хобсбаум, 2000: 48). При этом учитывается такая особенность российской мемориальной традиции, как приоритет акциональных, обрядовых форм (Ярычев, 2022: 15).

3. Обсуждение

В современной отечественной историографии вопросы коммеморации и мемориальной парадигмы, «past-проблематики» активно разрабатывают Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, М.Л. Шуб (Репина, 2021; Леонтьева, 2017; Шуб, 2016). Так, концепция Л.П. Репиной развивается в русле изучения роли культурных/символических конструктов в организации исторической памяти и в формировании/конструировании идентичности (Репина, 2021).

В исследованиях Л.Б. Зубановой и М.Л. Шуб коммеморация выступает формой «объективации и визуализации культурной памяти» и одновременно одним из инструментов политики памяти (Зубанова, Шуб, 2022: 51). При этом базовой функцией культурной памяти рассматривается возможность конструирования memory-идентификации внешней, основанной на политике памяти, и внутренней,

производной от традиции и социального опыта (Шуб, 2016а: 71-72). Новое поколение исследователей опирается на теоретические построения Э. Хобсбаума, П. Нора, А. Мегилла, П. Хаттона (Шуб, 2016). В числе согласованных позиций, представляющих особое значение для рассматриваемой проблемы, необходимо отметить адаптационную, коммуникативную и солидаризирующую миссии коммеморации.

4. Результаты

Традиция поминовения подвига В.Т. Рябова зарождается стихийно и сразу же приобретает общеимперский масштаб. Обращение «ко всем коренным пензякам» «старого генерала» с призывом чтить подвиг Василия Рябова, стяжавшего себе «мученический воинский венец и неувядаемую славу», было опубликовано в «Русском инвалиде» 27 сентября 1904 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 283об.). В официальной переписке тема коммеморации появится только 7 октября, когда пензенский уездный исправник представит губернатору рапорт о телеграмме из Мукдена, напечатанной в №217 «Правительственного вестника» о «геройской смерти» рядового 284 Чембарского полка В. Рябове и бедственном положении его вдовы Афимьи Фроловой и четверых малолетних детей. В Пензенских губернских ведомостях телеграфное извещение о смерти героя было перепечатано в №268 28 сентября 1904 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 9; ПГВ, 1904: 2).

Следует обратить внимание на условия поступления в провинцию и распространения информации о подвиге Рябова. Благодаря новым технологиям развития связи и, прежде всего, телеграфу семья и односельчане Рябова получили сообщение о смерти героя почти одновременно со всей страной. Панихида по рядовому Василию Рябову была отслужена в церкви с. Лебедевка 28 сентября 1904 г. К этому моменту уже «кто-то по почте из Москвы прислал вдове газету с описанием этого подвига». Оказалось, что многие жители читали «японское» письмо Рябова или слышали о нем во время воскресного базара в Пензе. На панихиде присутствовали жена, дети и родители героя, инспектор народных училищ П.Ф. Орелкин, учащиеся и учительница Лебедевского начального училища, в котором обучался покойный (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 24).

Поминовение Василия Рябова было продолжено 3 октября «по почину директора народных училищ». В Лебедевку из Пензы прибыли директор училищ Н.В. Автократов, инспектор народных училищ П.Ф. Орелкин, инспектора и учителя обоих городских четырехклассных училищ, соединенный ученический хор этих училищ (до 60 человек), начальница 1-й женской гимназии В.А. Николаева и «другие почитатели подвига». Как отмечали Пензенские губернские ведомости, Рябов «был учеником Лебедянского училища и, естественный, учебный мир и должен был первым откликнуться в деле чествования его памяти» (ПГВ, 1904а: 1). Автор статьи «Памяти Василия Рябова» невольно отреагировал на возникающий диссонанс в конструировании «места поминовения» (установки памятника герою), отразивший несовпадение моделей имперской («в его деревне») и региональной идентичностей: «почему не в Пензе?...» (ПГВ, 1904а: 1).

Перед началом литургии к участникам акции, собравшимся в приходском храме, обратился священник Быстров, призывая помолиться об упокоении новопреставленного воина Василия. В его выступлении прозвучали призывы к консолидации и духовно-нравственному совершенствованию в ответ на принесенную жертву, что обнаруживает ключевые характеристики традиционной модели коммеморации, выстроенной в соответствии с православными ценностями: «В своем подвиге он оставил нам целое завещание, которое мы обязательно должны исполнить»; «Рябов умер за веру, Царя и Отечество. Он до конца исполнил долг свой...»; «геройская кончина возложила обязанности»; «Для войны потребны громадные средства, нужно, кроме того, обеспечить больных и раненых воинов, позаботиться о семьях убитых на войне...» (ПГВ, 1904а: 1).

За литургией и панихидой по герою последовали крестины дочери Рябова, родившейся уже после смерти отца. Восприемниками стали П.Ф. Орелкин и В.А. Николаева. После окончания торжеств для учеников-певчих в училище было организовано угощение, и перед отъездом в Пензу перед школой и приходским храмом хор исполнил народный гимн, «покрытый громогласным “Ура!”» (ПГВ, 1904а: 1).

Несмотря на военно-мобилизационное содержание коммеморативной акции, инициатором ее проведения выступил руководящий состав народных училищ. Гражданское начало прослеживается и в обращении Пензенского уездного предводителя дворянства А.Н. Селиванова, направившего 7 октября 1904 г. ходатайство об открытии подписки на устройство в память Рябова школы в канцелярию губернатора: «Для сохранения памяти о доблестном поступке героя Рябова и оказания помощи его осиротевшей семье считал бы нужным образовать под своим председательством в составе членов: воинского начальника, земского начальника 2-го участка и уездного исправника комитет для приема пожертвований в пользу семьи Рябова и на учреждение в селе Лебедевке, месте приходской церкви Рябова школы-памятника погибшему герою, назвав ее “Рябовскою”». Отметим, что к этому времени организация благотворительных акций в российской провинции уже была закреплена на уровне ритуала: предстояло «открыть подписку», «дать объявление в газеты», «пригласить жертвователей». Обращение к читателям с призывом к сбору средств на постройку нового здания училища было опубликовано в Пензенских губернских ведомостях 15 октября 1904 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 14-14об.; ПГВ, 1904а: 1; ПГВ, 1904b: 3). Таким образом, у истоков коммеморации героя обнаруживаем представителей наиболее прогрессивной части местного сообщества – деятелей

системы образования и выборного главу сословного и земского самоуправления, обладавшего известной толикой административной самостоятельности в пределах уезда.

В то же время исполняющий должность пензенского губернатора С.А. Хвостов первоначально усомнился в достоверности информации о мученической смерти героя, о чем свидетельствует оперативный телеграфный запрос в Главный штаб от 8 октября с просьбой о подтверждении обстоятельств гибели Рябова (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 10). На следующий день из штаба также телеграммой сообщили об отсутствии иных известий, «кроме помещенного в Правительственном вестнике». Официального подтверждения, а, следовательно, рекомендаций о соответствующих коммеморативных акциях губернатору не поступало.

Ходатайство на распоряжение министра внутренних дел о создании комитета и открытии подписки с указанием, что со стороны региональных властей инициатива «не встречает препятствий», С.А. Хвостов направляет уже 13 октября 1904 г. Селиванову же последовало указание «ожидать разрешения министерства». 2 ноября в канцелярию губернатора было доставлено письмо от начальника 31-й пехотной дивизии Н.И. Мау с текстом, обнаруженным урядником 1-го Оренбургского казачьего полка М. Соколовым японского послания, адресованным русской армии и напечатанным в «Вестнике Манчжурской армии» от 27 сентября за №55 (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 32-33об.).

В конце ноября 1904 г. губернатор вновь обращается в канцелярию МВД с просьбой оказать содействие к скорейшему разрешению данного вопроса («в виду поступления ежедневно требований от разных лиц»), что служит дополнительным аргументом в пользу стихийного характера процесса коммеморации (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 15-16, 48). Наконец, 14 декабря 1904 г. Главное управление по делам местного хозяйства уведомило губернатора о том, что препятствий к образованию комитета и устройства школы-памятника «не встречается» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 17).

Комитет по «увековечиванию памяти рядового Василия (Тимофеевича) Рябова, погибшего геройской смертью во время войны с Японией» («с разрешения министра внутренних дел») с целью постройки школы-памятника имени В. Рябова и обеспечению его семьи под председательством А.Н. Селиванова начинает свою деятельность уже с нового 1905 г. Заседания комитета проходили в помещении уездного съезда с участием директора народных училищ Пензенской губернии И.В. Автокротова, инспектора народных училищ 1-го участка Н.Ф. Орелкина, уездного исправника Соколова, воинского начальника А.Н. Ханыкова, председателя земской управы А.С. Ермолаева, земского начальника 2-го участка Пензенского уезда В.Н. Мансырева и священника с. Лебедевки о. Александра Тассова (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1-1 об., 14; Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 191-193).

Затяжная процедура согласования комитета не помешала активному сбору пожертвований в пользу семьи рядового Рябова, начиная с октября 1904 г. Так, вдова героя получила пособие от земства, помощь в размере 25 рублей была оказана членами Пензенского дамского кружка. По инициативе инспектора народных училищ Пензенской губернии 1-го участка «Пензенский справочный листок» с рассказом о геройском подвиге Рябова был прочитан в каждом народном училище. Как отметил в своем письме учитель села Дубасова С. Полозов, акция вызвала единодушное сочувствие со стороны учащихся, решивших собрать для детей героя 2 рубля (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 13 об.; Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 35-35об.).

Пожертвования поступали со всей страны от преподавателей и «их друзей» из Кронштадтского реального училища, от Калужского земства («чувствуя потребность выразить чем-нибудь свое глубокое уважение памяти героя Рябова и душевное сочувствие его семье»), редакции «Варшавского дневника», начальницы Пензенской 1-й женской гимназии В.А. Николаевой и инспектора народных училищ Пензенской губернии 1-го участка Н.В. Автокротова, Уфимского управления общества Красного Креста, от полевого штаба наместника императора на Дальнем Востоке генерал-адъютанта, адмирала Е.И. Алексеева, отделения Московского международного торгового банка, Кокандского отделения Государственного банка, редакции «Военного сборника» и «Военного инвалида», нижних чинов 98-го пехотного Юрьевского полка, главноначальствующего Гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя Г.С. Голицина и его супруги, «Русского кружка» в г. Варшаве и т.д. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 19, 20, 23, 29, 36, 43, 46, 73, 75).

4 ноября 1904 г. министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский уведомил пензенского губернатора о пожаловании Императором Николаем II из собственных средств двух тысяч рублей: 1000 – для выдачи семье Рябова, 1000 – на устройство школы. К апрелю 1905 г. в казначейство было внесено 1883 руб. 88 коп. на постройку школы и 3 751 руб. 42 коп. на обеспечение семьи (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 58, 191).

Здание школы возводилось как образцовое одноклассное народное училище. По требованиям Министерства просвещения, школьное здание (на 50–60 учащихся) должно было быть каменным или деревянным, возведенным на каменном фундаменте и состоять из классной комнаты, комнаты для библиотеки, квартиры для учителя с кухней и кладовой, помещения для сторожа, комнаты для ночлега учеников из соседних селений. Школу с. Лебедевка посещали дети из д. Ивановка и на время распутицы оставались в ней с ночлегом. В 1905 г. в с. Лебедевка насчитывалось 528 жителей, в д. Ивановка – 422, в том числе, детей школьного возраста (8–11 лет) – 80 человек. Именно на такое количество учащихся и был рассчитан проект образцового училища (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 3).

11 января 1905 г. последовало директивное письмо инспектора народных училищ 1-го участка Пензенской губернии, утвердившего требования к образцовому школьному зданию. Необходимо обратить внимание, что уже на этапе проектирования учитывались средства коммеморации («как вспоминать»). По рекомендации инспектора, в классной комнате следовало поместить «медную доску с изложением на ней подвига В. Рябова и обозначением, что на постройку школы-памятника пожертвовано Государем из собственных сумм 1000 руб.». Вход в здание планировалось оформить надписью: «Лебедевское начальное народное училище в память рядового Василия Рябова» (ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 13).

Открытие школы-памятника имени В. Рябова состоялось 9 мая 1909 г. В день торжества освящения начального училища «толпы народа начали стекаться к школе и церкви со всех пригородных сел и деревень». Колокольным звоном было отмечено прибытие владыки, в мероприятии приняли участие пензенский губернатор И.Ф. Кошко, представители учебных заведений, Инсарский и Оровайский полки (ПГВ, 1909: 4).

Одной из форм коммеморации стало учреждение в Пензенской I-й мужской гимназии именной стипендии «Рябова-Чембарского» на средства, пожертвованные чинами 284-го Пехотного Чембарского полка в августе 1905 г., в размере 1 240 рублей. Соответствующее ходатайство было направлено министру народного просвещения пензенским губернатором 8 октября 1905 г., но только 16 февраля 1908 г. попечитель Харьковского учебного округа разрешил учредить стипендию имени рядового 284-го пехотного Чембарского полка В.Т. Рябова. Согласно положению, стипендия учреждалась на проценты с полученного капитала. Право на получение стипендии имели «дети несостоятельных родителей», преимущественно сыновья и родственники В. Рябова, а затем «лица податного сословия» из Пензенского и Чембарского уездов» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 224-226, 248-249об., 252).

Масштаб и длительность коммеморативных акций, связанных с именем Василия Рябова, сакрализация памяти о герое встретили поддержку и обеспечили участие в этом процессе лично Николая II. Безусловно, вопрос об эксгумации и перезахоронении погибшего Рябова мог быть решен только на межгосударственном уровне. Так, 27 августа 1909 г. в своем докладе на имя И.Ф. Кошко начальник штаба Казанского военного округа Ф.Д. Иозефович сообщил, что 15 августа последовало Высочайшее соизволение на командирование за границу в Манчжурию поручика 216 пехотного резервного Инсарского полка Самсонова с унтер-офицером «для извлечения и перевезения на родину» праха рядового Рябова. Генерал-майор Иозефович рекомендовал организовать захоронение в непосредственной близости с именной школой. Предполагалось, что средства на памятник выделит комитет по увековечиванию памяти русских воинов сухопутных армий, павших на войне 1904–1905 гг. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 258).

Заинтересованность локального сообщества в дальнейшем утверждении мифа о Рябове, связь между историей и идентичностью передает переписка о выборе места памяти (захоронения праха). Так, для согласования этого вопроса губернатор обращается к председателю местного мемориального комитета А.Н. Селиванову с просьбой высказать мнение относительно организации могилы на месте устройства школы. На заседании комитета от 4 сентября были высказано пожелание о захоронении праха Рябова в Пензе на военном кладбище на участке 216 пехотного резервного Инсарского полка из-за соображений обеспечения ухода, а также «в интересах боевого воспитания нижних чинов», так как «память Рябова дорога не одной маленькой Лебедевке, а всей Пензенской губернии, почему и памятник ему лучше поставить в губернском городе» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 260-263).

И все же губернские власти поддержали имперский подход к созданию ритуала (родина героя как общероссийское место памяти), и 30 сентября вице-губернатор И.А. Тарасенко-Отрешко сообщает Селиванову о решении «захоронить прах в Лебедевке в церковной ограде, а если будет возражать епархиальное начальство, то вблизи школы». Обращает на себя внимание и попытка регламентировать участие жителей Лебедевки и окрестных сел в общеимперской акции: из штаба Казанского военного округа на имя губернатора поступила просьба о необходимости оповещения населения. Наблюдение за могилой было поручено настоятелю Лебедевской церкви священнику Тюльпанову (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 264-265, 269).

Праха Рябова прибыл в Пензу 6 октября 1909 г. почтовым поездом. Протокольные нормы поминовения, имперский уровень коммеморативной акции требовали соответствовавших средств визуализации и воинских почестей. Улицы города были убраны траурными флагами, над центральной улицей, Московской, при входе с Базарной площади водружена гирлянда из флагов и траурный герб с вензелем В. Р., у подъезда Сызранско-Вяземского вокзала – зеленая арка из хвои (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 270, 289). У здания вокзала собрались военные и гражданские власти, войска пензенского гарнизона, представители казенных и общественных учреждений, городское духовенство, жена и родственники Рябова. Начальник штаба Казанского военного округа Ф.Д. Иозефович лично прибыл в Пензу и принял участие в перезахоронении (ПГВ, 1909 b: 3).

Основную задачу мемориализации происшедшего, формирования исторического сознания, провинциальной и имперской идентичностей обозначил в своем выступлении владыка Митрофан: «пензенская земля из рода в род должна хранить прах его как святыню» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 290). После панихиды у здания вокзала траурная процессия проследовала к Кафедральному

собору, где была отслужена заупокойная литургия и состоялось отпевание. Гроб с прахом установили на белую колесницу, запряженную четверкой лошадей, покрытых белыми попонами. Движение траурного кортежа открывало шествие с выносом креста и иконы Богородицы, а также более 40 венков (от воинских частей, от пензенского губернатора, учащихся, пензенского земства, ряда городов). Вдоль улицы Московской были выстроены «шпалерами учащиеся всех мужских и женских учебных заведений города Пензы» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 271, 290-291).

По пути следования к месту захоронения (с. Терновка) жители также украсили свои дома елями, устлали дорогу хвоей. Крестьяне вышли к дороге с иконами, хлебом и солью. В Лебедевке прах Рябова был встречен местным причтом и населением и после литургии, крестного хода и молебна предан земле в могиле, устроенной в ограде начального училища. Здание школы по случаю торжества было украшено гирляндами зелени и национальными флагами (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 284-284об.). Военнослужащие Инсарского полка преподнесли в дар учебному заведению икону Св. Василия Великомученика. Отметим также, что по решению императора от 7 ноября 1906 г. всех погибших на минувшей войне зачислили в списки соответствующих частей. Рябов значился в списках 5-й роты Инсарского полка. Ежедневно на вечерней переключке Василия Рябова вызывали в числе прочих, и правофланговый отвечивал: «Погиб за Веру, Царя и Отечество» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7552. Л. 286-286об.).

Оказывая информационную поддержку имперской коммеморативной акции в 1909 г., провинциальная пресса, помимо прочего, реагировала и на разрыв фронта сакрализации, вынужденно обращаясь к поиску свидетельств, удостоверяющих и восстанавливающих элементы мифа: «Как было найдено и извлечено из могилы тело В. Рябова» (ПГВ, 1909с: 3), реагируя на сомнения обывателей: «Совершал ли Рябов подвиг?», «Могила ли Рябова была указана Голубеву?»; «Останки ли Рябова везут на Родину?» (ПГВ, 1909 а: 3-4).

В современной системе мест памяти мемориал в с. Лебедевке восстановил свои позиции после падения коммунистической идеологии. Открытие монумента на могиле В. Рябова состоялось 10 октября 2004 г. (Тюстин, Шишкин, 2012: 149).

5. Заключение

Стихийное движение за увековечивание памяти Василия Рябова, вспыхнувшее стремительно и в одно мгновение охватившее всю империю от края до края, объясняется наложением и взаимным усилением двух социальных процессов. С одной стороны, речь идет о стремлении к консолидации и регуляции массовых переживаний на фоне поражений и неудачного начала войны. Принесенная жертва, а, главное, признание стойкости и верности духовному выбору и воинскому долгу со стороны противника отражала исторические грани учредительного мифа, первоосновы святости в канонах православной цивилизации. С другой, – практики коммеморации являли собой одну из областей свободы, где могла реализоваться гражданская инициатива, а потому чествование памяти рядового Рябова стало инструментом обретения и укрепления горизонтальных структур социальной активности и взаимодействия, признаком их институциональной зрелости.

В смутное рубежное время феномен Рябова имел исключительное значение, так как позволял интегрировать имперский, провинциальный и локальный уровни идентичности, сохраняя при этом преемственность коллективных представлений о прошлом. Приобрел определенную целостность и завершенность процесс визуализации ментального образа, духовной матрицы региона, в конструировании которой проявляются персонифицированные черты. Читая героя и следовать его примеру, идеалам служения и подвижничества – так определялись всепоглощающие установки самоидентификации населения Пензенской губернии в конце 1904 г. Революция 1905–1907 гг. ослабит стихийные консолидирующие скрепы, и на следующем этапе формирования идентичности особую роль будут играть политические акторы и, соответственно, перформативные и акциональные средства мемориальной политики, что позволит восстановить утраченное единство.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>.

Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Ассман, 2023 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. 3-е изд-е. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.

Бергер, Лукман, 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Зубанова, Шуб, 2022 – Зубанова Л.Б., Шуб М.Л. Запечатленная память: социологический анализ практик коммеморации // Вестник Томского государственного университета.

- Культурология и искусствоведение*. 2022. № 47. С. 48–60. DOI: 10.17223/22220836/47/4
- Леонтьева, 2017 – Леонтьева О.Б. Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман // *Историческая экспертиза*. 2017. № 4. С. 31–46.
- Леонтьева, Репина, 2019 – Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // *Историки в поисках новых перспектив* / Под общей ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 274–317.
- Мегилл, 2007 – Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Нора и др., 1999 – Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память /. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 333 с.
- ПГВ, 1904 – *Пензенские губернские ведомости*. 1904. № 268. 28 сентября.
- ПГВ, 1904a – *Пензенские губернские ведомости*. 1904. № 285. 15 октября.
- ПГВ, 1904b – *Пензенские губернские ведомости*. 1904. № 299. 29 октября.
- ПГВ, 1909 – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 98. 12 мая.
- ПГВ, 1909a – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 209. 3 октября.
- ПГВ, 1909b – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 212. 8 октября.
- ПГВ, 1909c – *Пензенские губернские ведомости*. 1909. № 214. 10 октября.
- Репина, 2021 – Репина Л.П. Память и наследие в «Крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 2 (71). С. 6–16.
- Тюстин, Шишкин, 2012 – Тюстин А.В., Шишкин И.С. Рябов Василий Тимофеевич / Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). М.: Локус Станди, 2012. 216 с.
- Хальбвакс, 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Хобсбаум, 2000 – Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. 47–62.
- Шуб, 2016 – Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
- Шуб, 2016a – Шуб М.Л. Функции культурной памяти // *Вестник культуры и искусств*. 2016. № 4 (48). С. 71–76.
- Шуб, 2018 – Шуб М.Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // *Обсерватория культуры*. 2018. № 15 (2). С. 161–169.
- Ярычев, 2022 – Ярычев Н.У. Феномен стихийной коммеморации: сущность, типы, функции // *Сфера культуры*. 2022. № 1 (7). С. 13–19. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13
- Halbwachs, 1925 – Halbwachs M. Les Cadres Sociaux de la Mémoire / Paris : Presses Universitaires de France, 1925. 211 p.
- Spontaneous Shrines..., 2011 – Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / Ed. J. Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 432 p.

References

- Assman, 2023 – Assman, A. (2023). Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translation from German. 3rd edition. Moscow: New Literary Review. 328 p. [in Russian]
- Berger, Lukman, 1995 – Berger, P., Lukman, T. (1995). Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium. 323 p. [in Russian]
- GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].
- Hal'bvaks, 2007 – Hal'bvaks, M. (2007). Social'nye ramki pamyati. Per. s fr. i vstup. st. S.N. Zenkina. [Social frames of memory. Translation from French and introductory article by S.N. Zenkin]. M.: Novoe izd-vo, 348 p. [in Russian]
- Halbwachs, 1925 – Halbwachs, M. (1925). Les Cadres Sociaux de la Mémoire [The Social Frameworks of Memory]. Paris : Presses Universitaires de France, 211 p. [in French]
- Hobsbaum, 2000 – Hobsbaum, E. (2000). Izobretenie traditsij [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1: 47–62. [in Russian]
- Leont'eva, 2017 – Leont'eva, O.B. (2017). Pamyat', vremya, memorial'naya kul'tura v rabotah Alejdy Assman [Memory, time, memorial culture in the works of Aleida Assman]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4: 31–46. [in Russian]
- Leont'eva, Repina, 2019 – Leont'eva, O.B., Repina, L.P. (2019). «Memorial'nyj povorot» i «istoriya pamyati» v Rossii [“Memorial turn” and “history of memory” in Russia]. *Istoriki v poiskah novyh perspektiv*. Pod obshchej red. Z.A. Chekancevoj. M.: Akvilon, pp. 274–317. [in Russian]
- Megill, 2007 – Megill, A. (2007). Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemology]. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya». 480 p. [in Russian]
- Nora i dr., 1999 – Nora, P., Ozuf, M., de Pyuimezh, Zh., Vinok, M. (1999). Frantsiya-pamyat' [France-memory]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-та, 1999. 333 p. [in Russian]

- PGV, 1904 – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 268, 28, sentyabr' 1904. [in Russian]
- PGV, 1904a – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 285, 15, oktyabr' 1904. [in Russian]
- PGV, 1904b – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 299, 29, oktyabr' 1904. [in Russian]
- PGV, 1909 – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 98, 12, maj 1909. [in Russian]
- PGV, 1909a – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 209, 3, oktyabr' 1909. [in Russian]
- PGV, 1909b – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 212, 8, oktyabr' 1909. [in Russian]
- PGV, 1909c – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 214, 10, oktyabr' 1909. [in Russian]
- Repina, 2021 – Repina, L.P. (2021). Pamyat' i nasledie v «Krestovom pohode» protiv istorii, ili rozhdenie «memorial'noj paradigmy» [Memory and heritage in the “Crusade” against history, or the birth of the “memorial paradigm”]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2 (71): 6-16. [in Russian]
- Shub, 2016 – Shub, M.L. (2016). Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel'nyj i vospitatel'nyj potencial [Modern commemorative practices: educational and educational potential]. *Chelyabinskij gumanitarnij*. 3 (36): 80-87. [in Russian]
- Shub, 2016a – Shub, M.L. (2016). Funkcii kul'turnoj pamyati. [Functions of cultural memory]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 4(48): 71-76. [in Russian]
- Shub, 2018 – Shub, M.L. (2018). Fenomen kommemoracii: opyt kul'turologicheskogo analiza praktik publichnogo pominoveniya (na primere naimenovaniya ulic Chelyabinska) [The phenomenon of commemoration: experience in cultural analysis of public commemoration practices (using the example of the names of streets in Chelyabinsk)]. *Observatoriya kul'tury*. 15(2): 161-169. [in Russian]
- Spontaneous Shrines..., 2011 – Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death. Ed. J. Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 432 p.
- Tyustin, Shishkin, 2012 – Tyustin, A.V., Shishkin, I.S. (2012). Ryabov Vasilij Timofeevich. Penzenskaya personaliya. Slavu Penzy umnozhevshie. Penza personality. Multiplying the glory of Penza. T. 2. (M–T). Moscow: Lokus Standi, 216 p. [in Russian]
- Yarychev, 2022 – Yarychev, N.U. (2022). Fenomen stihijnoj kommemoracii: sushchnost', tipy, funkcii. [The phenomenon of spontaneous commemoration: essence, types, functions]. *Sfera kul'tury*. 1(7): 13-19. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_7_13 [in Russian]
- Zubanova, Shub, 2022 – Zubanova, L.B., Shub, M.L. (2022). Zapechatlennaya pamyat': sociologicheskij analiz praktik kommemoracii [Imprinted Memory: Sociological Analysis of Commemoration Practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 47: 48-60. DOI: 10.17223/2220836/47/4 [in Russian]

Подвиг Василия Рябова и формирование имперской идентичности (по материалам Пензенской губернии)

Ольга Александровна Сухова^{a, *}, Иван Николаевич Иноземцев^a

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В период Русско-японской войны событием беспрецедентного значения для российского общества стал подвиг рядового Василия Рябова, уроженца с. Ивановки Пензенского уезда той же губернии. Данная статья посвящена выявлению и анализу практик стихийной коммеморации и средств мемориальной политики в отношении чествования памяти о герое.

Источниковую базу исследования составили материалы делопроизводственной документации канцелярии губернатора и дирекции народных училищ, а также публикации региональной периодической печати. Концепт «коммеморация» понимается как совокупность действий, направленных на закрепление в коллективной памяти и трансляцию социального опыта, необходимого для решения актуальных задач настоящего и будущего.

Аргументированы ключевые параметры мемориализации прошлого. Установлено функциональное предназначение коммеморации как способа консолидации и регуляции массовых переживаний на фоне поражений и неудачного начала войны; формирования имперской, провинциальной и локальной идентичностей. Выявлены признаки перехода от традиционных к современным коммеморативным формам, проявлениям гражданской инициативы. Авторы рассматривают способы передачи информации, исторически обусловленные формы социально-политического взаимодействия по согласованию коммеморативных акций, соотношение мемориальной культуры и исторической политики.

Ключевые слова: Русско-японская война, подвиг Василия Рябова, Пензенская губерния, стихийные практики коммеморации, мемориальная политика, формирование имперской идентичности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова)